

Герберт Спенсер*

ЧТО ТАКОЕ ОБЩЕСТВО?

Предисловие к публикации Николаева В.П.

«Основания социологии» Г. Спенсера, в отличие от многих классических социологических сочинений, имели в России, казалось бы, счастливую судьбу. Вскоре после завершения публикации этого труда в Англии был подготовлен и издан его русский перевод, да к тому же и не один. Более века отечественные читатели пользовались дореволюционными переводами и, сетуя иногда на их не очень хорошее качество, все-таки черпали из них свое представление о теориях Спенсера, увы, не всегда адекватное и точное. Есть несколько важных причин, по которым стоит перевести этот труд заново. Прежде всего, он не настолько примитивен и ветх, как иногда принято думать; восприятия этого сочинения как устаревшего во многом обусловлено тем, что вряд ли найдется сегодня кто-то, кто дочитал до конца хотя бы первый из трех его томов. О скрытых и подчас неожиданных его достоинствах убедительно написано в книге: Turner J. Herbert Spencer: A Renewed Appreciation. (Masters of Social Theory. Vol. I.) — Beverly Hills: Sage Publications, 1985. Мы, образно говоря, не настолько выросли из этой «одежды», чтобы ее игнорировать, — по крайней мере если мы не ограничиваем социологию как науку социологическими рассуждениями на актуальные темы.

Необходимо признать, что для повторного обращения к Спенсеру старые переводы «Оснований социологии» совершенно не годятся. И вот почему:

(1) Все дореволюционные переводы неполные. В них не только недостает целой части, «Религиозные институты» (а это ни много ни мало 180 страниц), но и недостает целого ряда параграфов и абзацев, исключенных по цензурным (в основном религиозным) соображениям. Кроме того, в русские издания не вошли каталоги ссылок и списки цитируемой литературы.

(2) Указанная недостача с лихвой возмещается личными вставками и пояснениями переводчиков: из настолько много, что после вычищения этих привнесений текст сокращается процентов на 20, а то и больше. Тяжеловесность спенсеровского текста, отвращающая многих от его чтения, также в основном привнесена переводчиками и не отражает дух оригинала.

(3) Дореволюционные переводы изобилуют искажениями и банальными ошибками, ненужными длиннотами и грамматическими нелепостями. К этому примешиваются цензурные «корректировки»: *Hebrews* превращаются в «один из древних народов», а *Christian* — в «цивилизованного человека», *heathen* (язычник) — в «дикаря», *Jahveh* — в «божество», *Bible* — в «древние еврейские книги» и т. п.

(4) Для конца XIX в., когда переводили Спенсера, были естественны и неизбежны неточности в передаче терминологии и сведение непривычных фраз и конструкций к привычным фоновым образцам. Например, термин «функция» передавался как «отправление», «структура» (в единственном и множественном числе) — обычно как «строение» и иногда как «структура», «институт» — как «учреждение» и т. д. Это лишь известные неточности. Есть и менее известные. Кого-то, может быть, удивит, что у

---

* Spencer G. The Principles of Sociology. — N. Y.: D. Appleton and Co., 1904. — P. 447-448.

© Центр фундаментальной социологии, 2002г.

© Перевод с английского Николаева В.Г., 2002г.

Спенсера почти совсем не встречается слово «прогресс»: этим словом, часто встречающимся в русском переводе, переводили более нейтральное *advance*. То же со словом «регресс»: у Спенсера это либо *degradation*, либо *retrogression*. Фоновая тематика прогресса/регресса в немалой степени навязана тексту Спенсера русскими переводчиками. Поэтому, когда мы читаем в дореволюционном переводе: «восходящий последовательно все выше и выше», — это понятное выражение может скрывать за собой нечто совсем другое: *carried to various stages*. Толкования многих терминов русифицированы не только в языковом, но и в социальном смысле. Например, фразе «социальная интеграция (общественное сплочение, или подчинение общества одной центральной власти)» в оригинале соответствует всего лишь *social integration*. В известном смысле, неправильно передается в переводе и такое прилагательное, как *primitive*: однозначная передача его словом «первобытный» втискивает Спенсера в контекст, из которого он явно выбивается; часто это слово точнее переводится словом «примитивный», в том смысле, в каком его употребляли в XX в. социальные антропологи. Еще интереснее со словом *evolution*: обычно его переводили как «развитие» — вместе со словами *development* и *advance*. И это в труде ученого, для которого понятие эволюции было центральным! Мало кому известно, что у Спенсера можно встретить также такие понятия, как, например, «статус», «конфликт», «репрезентация», употребляемые по крайней мере в столь же ясном смысле, как в большом массиве нынешней литературы. Однако в дореволюционном переводе их найти не удастся, потому что там их попросту нет. Приведенных примеров вполне достаточно, чтобы стало ясно: для строгой и внимательной работы с текстом «Оснований социологии» дореволюционные переводы абсолютно непригодны. Но если этот текст и нужен нам сегодня, то только для такой работы.

Отсюда, если признать полезность повторного обращения к Спенсеру, можно сделать вывод: старые переводы выполнили свою ознакомительную задачу, и теперь нужен новый перевод, полный и адекватный. Такой перевод в настоящее время готовится. Публикуемый фрагмент взят из него и представляет собой первую главу второй части указанного труда. Поскольку этот фрагмент неоднократно публиковался (в том числе в новейших хрестоматиях), читатель может сравнить новый перевод со старым и обратить внимание на разницу.

ЧТО ТАКОЕ ОБЩЕСТВО?

§ 212. Вот вопрос, который должен быть поставлен и разрешен с самого начала. Пока мы не решили, считать общество особой сущностью или нет, и пока мы не решили, должно ли общество, если все-таки считать его таковой, классифицироваться как абсолютно отличное от всех иных сущностей или как похожее на некоторые из них, наше представление об обсуждаемом предмете остается неясным.

Кто-то мог бы сказать, что общество есть лишь собирательное название для некоторого множества индивидов. Перенеся спор между номинализмом и реализмом в другую область, номиналист мог бы утверждать, что подобно тому, как существуют только конкретные члены биологического вида, а самого вида, взятого отдельно от них, не существует, точно так же существуют одни только общественные единицы, а существование общества является сугубо словесным. Приводя в пример слушателей лекции как агрегат, самим своим исчезновением по окончании лекции доказывающий, что он — не целостная вещь, а лишь некоторая группировка лиц, номиналист мог бы настаивать, что так же обстоит дело с гражданами, образующими народ.

Не оспаривая прочих звеньев этой аргументации, последнее звено можно отвергнуть. В первом случае группировка временная, во втором — постоянная; но именно в постоянстве

отношений между частями состоит индивидуальность целого, отличная от индивидуальностей его частей. Масса, разбитая на куски, перестает быть единой вещью; и наоборот, камни, кирпичи, деревянные балки, не имевшие вначале ничего общего, становятся вещью, называемой домом, если соединены друг с другом определенным образом.

Таким образом, у нас есть все основания рассматривать общество как особую сущность; ибо хотя оно образовано из дискретных единиц, сохранение известного общего сходства в упорядочении этих единиц в пределах ареала, занимаемого образуемым ими агрегатом, предполагает некоторую конкретность этого агрегата. Именно эта черта дает нам идею общества. Ибо, отказывая в этом названии изменчивым скоплениям, создаваемым первобытными людьми, мы применяем его только там, где оседлая жизнь уже привела к некоторому постоянству в распределении составляющих общество частей.

§ 213. Но если рассматривать общество как вещь, то что за вещь мы должны называть этим именем? Общество кажется не похожим ни на один из объектов, известных нам благодаря органам чувств. Никакое сходство, коим оно может обладать с другими объектами, не может быть явлено восприятию; его может разглядеть только разум. Если общество делают особой сущностью постоянные отношения между частями, то возникает вопрос, не сродни ли эти постоянные отношения между его частями постоянным отношениям между частями других сущностей? Единственным мыслимым сходством между обществом и чем-то еще может быть сходство, обусловленное *параллелизмом принципа, заключенного в упорядочении компонентов*.

Есть два больших класса агрегатов, с которыми можно сравнивать общественный агрегат: это неорганические и органические агрегаты. Схожи ли свойства общества со свойствами неживого тела; схожи ли они со свойствами живого тела; или они совершенно не похожи ни на те, ни на другие?

Первый из этих вопросов достаточно лишь задать, чтобы ответить на него отрицательно. Целое, состоящее из живых частей, не может быть похоже по своим общим характеристикам на безжизненное целое. На второй вопрос, не допускающий столь быстрого ответа, следует ответить положительно. Далее мы должны рассмотреть основания, позволяющие нам утверждать, что постоянные отношения между частями общества аналогичны постоянным отношениям между частями живого тела.

Перевод с английского Николаева В. Г.